

Д.В. Ларкович

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. Диалогичность является важным свойством авторского сознания Г.Р. Державина. Она предстаёт в его творчестве как особая художественная идеология и как конструктивный фактор его поэтики. Пытаясь постигнуть многоликую и противоречивую сущность человека, поэт стремится запечатлеть его в ракурсе становления и самоопределения, которое невозможно без установления подлинно диалогических контактов с различными элементами бытия. Такой подход к человеку как к носителю полноценного, автономного сознания предвосхитил художественные открытия русской литературы XIX в.

Ключевые слова: русская лирическая поэзия, Г.Р. Державин, авторское сознание, диалогизм, персонализм.

Как известно, возникновение диалогизма как аксиологической категории художественного мышления в истории русской литературы принято связывать с творчеством поэтов начала XIX в. и в особенности – с поэтической практикой А.С. Пушкина [1. С. 105–133; 2. С. 110–123; 3 и др.], а его полновесное выражение (благодаря теоретическим обоснованиям В.И. Иванова, Л.П. Гроссмана и М.М. Бахтина) ассоциировать с творчеством Ф.М. Достоевского. На этом фоне несколько неожиданным оказывается наблюдение С.Г. Бочарова, который, размышляя о жанровой природе романов Достоевского, отметил: «Итак – *“ты еси”*». Ключевое слово, про которое мало сказать, что это слово философское, – это слово прямо религиозное, слово молитвы Господней, завещанной нам самим Христом (*“Отче наш, Иже еси...”* – *Мф. 6, 9*). Почему-то комментаторы, как Иванова, так и Бахтина, не вспоминают, как это слово звучало в русской поэзии – у Державина, в оде *“Бог”*, построенной как поэтически-богословское доказательство от человека, как бы обратное заключение от следствия к причине: *Я есмь – конечно есь и Ты*. *“Ты еси”* державинское до Достоевского и Вячеслава Иванова...

Бахтин своими словами так пересказывал “Ты еси” Вячеслава Иванова: “превратить другого человека из тени в истинную реальность” – это формула не Иванова, а Бахтина, и в точности по Державину» [4. С. 465–466]. В этом попутно высказанном тезисе содержится исключительно важная мысль, открывающая новые горизонты наших представлений о месте и роли Державина в русском литературном процессе Нового времени.

Современные исследователи уже обратили внимание на значимую функцию диалогических построений в державинском лирическом дискурсе. Так, характеризуя поэтический диалог с Богом как особую жанровую модификацию, Т.В. Бердникова указывает на его конструктивные особенности, прочно усвоенные Державиным: «В стихотворениях, содержащих диалогические структуры, смена речевых планов обеспечивает мену субъектов и мену коммуникативных ролей. В диалогах, где одним из субъектов (чаще – адресат) является Бог, мена коммуникативных ролей имеет свои особенности: происходит нетипичное для диалога “взаимословие”: вниманию читателя представлена реплика лирического героя при отсутствующей реплике собеседника. Однако собеседник (Бог) присутствует в репликах персонажей, в их настроениях» [5. С. 47].

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в псалмодической и вообще духовной лирике поэта. Было замечено, что державинские поэтические переложения псалмов на фоне предшествующей и современной им литературной традиции отличаются высокой степенью личностной ангажированности. На это, в частности, указывал Ю.В. Стенник: «Метод Сумарокова дополняется у Державина введением в практику переложения псалмов принципа самовыражения. Осмысление нравственной истины, зафиксированной в тексте Библии, коррелируется у него не с абстрактной нормой внеличной морали, как это было у Сумарокова, а с личностью самого Державина, конкретной личностью со своими пристрастиями и вкусом, со своим взглядом на жизнь» [6. С. 172]. Лирический субъект Державина не просто выступает в амплу псалмопевца Давида, а обращается к Создателю со словами молитвенного

благоговения или познающего вопрошания, обусловленными обстоятельствами личного жизненного опыта:

Ты, Творец, Господь всеильный,
Без Которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!

Ты мне жизнь мою пробавил,
Весь мой дух тебе открыт;
В сонм вельмож меня поставил:
Будь средь них мой вождь и щит [7. Т. I. С. 563]¹.

При этом важно иметь в виду, что «для лирического героя Державина... *Ты*, воплощающее Бога, является не только Создателем, но и собеседником; через разговор с Богом лирический персонаж постигает самого себя и свое место в мироздании» [5. С. 47]. Более того, сама ситуация коммуникативного контакта с Верховным Собеседником здесь не условно-поэтическая фигура, а вполне конкретное событие. Приметы Божественного присутствия лирический герой обнаруживает в целесообразности и взаимосвязанности всего сущего вокруг, в собственных мыслях, ощущениях и эмоциональных импульсах, в единстве зримого и умозрительного:

Ты есь! – Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет:
Ты есь – и я уж не ничто! [7. Т. I. С. 203].

Субъектность лирического *Я* оказывается здесь проекцией активной, созидающей субъектности Божественного *Ты*, а полноценное ощущение собственного бытия оказывается результатом осознанной включённости в поле Его бытия, творчески динамичного и бесконечно многообразного.

Размышляя о характере предстояния человека Всевышнему, М. Бубер отмечает: «Мы не слышим Ты и все же чувствуем, что

---

¹ По справке Я.К. Грота, «эта пьеса написана в воспоминание двух обстоятельств: бури, претерпенной Державиным на Белом море в 1785 году, и первого присутствия его в сенате, в 1793 году. В первоначальной черновой рукописи оба эти обстоятельства обозначены в самом заглавии стихов» [7. Т. I. С. 561].

нас окликнули, мы отвечаем создавая, думая, действуя; всем своим существом мы говорим основное слово, не умея молвить Ты устами» [8. С. 18]. Державинский лирический субъект не только напрямую, без посредников обращается к Божественному собеседнику, но и пытается словесно выразить его невыразимую сущность, придать образную форму тому, что находится за пределами любых человеческих представлений. В этом стремлении постичь сущность Абсолютного Ты видится потребность дать ответ на вопрос о сущности собственного Я, при этом ограниченный потенциал вербальных возможностей порождает внутреннюю полемику в державинском лирическом дискурсе: «Ничто! – Но Ты во мне сияешь...», «Ничто! – Но жизнь я ощущаю...» [7. Т. I. С. 200], «Но будучи я столь чудесен, / Отколе произошел? – безвестен, / А сам собой я быть не мог» [Там же. С. 201–202]. В результате молитвенный дискурс, предполагающий исключительно доминантную позицию Божественного Адресата, нередко приобретает у Державина характер равноправного, полновесного диалога, где утверждается значимость обеих субъектных инстанций.

Стремление к установлению прямых диалогических контактов с Творцом порождает потребность в установлении диалогических отношений и с Его творением. Именно поэтому в структуре державинской лирической субъектности форма 2-го лица, предполагающая обязательное наличие собеседника (пусть даже условного), имеет исключительно высокую степень частотности. Определяя природу диалогизма как критерия ценностной позиции речевого субъекта в литературном тексте, М.М. Бахтин упоминает о его «вечной оглядке на другого человека» [9. С. 41]. Примечательно то, что у Державина эта «оглядка на другого», апелляция к «другому», прямое обращение к «другому», имеет метажанровую природу. И этот феномен не ограничивается потенциально диалогичным жанром послания, но органично входит в структуру оды, песни, элегии, сатиры и др.

В «Рассуждении о лирической поэзии, или Об оде» поэт отмечает: «Высокость, или выпренность лирическая, есть не что иное, как полет пылкого, высокого воображения, которое возносит поэта

выше понятия обыкновенных людей и заставляет их сильными выражениями своими *то живо чувствовать, чего они не знали* (курсив мой. – Д.Л.) и что им прежде на мысль не приходило» [7. Т. VII. С. 537]. Этот тезис находит последовательное воплощение в державинской поэтической практике. Явственно осознавая свою профетическую харизму, лирический субъект Державина многократно указывает на свои визионерские способности, позволяющие видеть не поверхностную, внешнюю, а ментальную суть вещей: «Я зрю, нельзя что смертну зреть!» [Там же. Т. III. С. 261], «Во слух мой доходили звуки...» [Там же. С. 70], «Отверзты вижу небеса...» [Там же. С. 178] и др. Следует оговориться, что прием метафизического видения, благодаря которому дух восторженного пиита как бы покидает земные пределы, обретает способность свободно перемещаться во времени и пространстве и с горней высоты созерцать явления сверхчувственной реальности, прочно вошел в одический арсенал задолго до Державина. Однако на фоне предшествующей жанровой традиции державинский лирический субъект, как правило, адресует результаты своих запредельных наблюдений не универсальному читателю, а вполне конкретной персоне, и часто не одной.

Так, стихотворение «На взятие Варшавы» (1794), формально представляющее собой поздний образец эпиникической оды и прославляющее силу русского оружия, буквально насыщено диалогическими интонациями. Мотивируя победу Высшей волей и постоянно апеллируя к инстанции, её осуществившей («О Росс! О подвиг исполина» [Там же. Т. I. С. 638]), автор не просто персонифицирует образ воина-победителя в лице его вождей, но акцентирует субъектный статус каждого из них посредством прямых обращений и эмоционально ангажированных вопрошаний, например:

Ты ль – Геркулес наш новый, полночный,

Буре подобный, быстрый и мочный?

Твой ли, Суворов, се образ побед?

Трупы врагов и лавры – твой след! [Там же. С. 642].

Кроме того, в тексте стихотворения есть адресные обращения и к соратникам Екатерины («А ты, кому и музы внемлют...»

[7. Т. I. С. 647]), и к противникам («Подите, отнимите, львы...») [Там же. С. 645]), и к мнимым союзникам («О стыд! о срам невероятный...») [Там же. С. 646]), а завершается ода гимновым рефреном («Славься сим, Екатерина, / О великая жена!») [Там же. С. 648–650]), в котором все адресаты державинских обращений сходятся в едином фокусе авторской диалогической инициативы. Столь широкий круг адресатов лирического высказывания, который Ю.И. Левин квалифицирует как авторское тяготение к «коммуникативности во что бы то ни стало» [10. С. 471], сам по себе свидетельствует о потребности Державина сообщить потенциально монологуичному одическому миру персонажную вариативность, а статусная неоднородность этих адресатов («свой», «чужой», «венценосный») вносит в текст эффект стиливого разнообразия и повышает его коммуникативную суггестивность.

Ну и, разумеется, своего апогея диалогический потенциал державинской поэзии достигает в жанре дружеского послания. Действительно, образцам этого жанра, как правило, присущи элементы персоналистичности в том, бахтинском, смысле, который предполагает способность проникновения автора высказывания в субъектную сферу *другого* я¹. Говоря о персонажных адресатах державинской лирики, следует иметь в виду степень их участия в организации лирического сюжета, специфика которого существенно обусловлена субъектной структурой текста. Характеризуя основные принципы сюжетообразования, Б.О. Корман указывал на то, что в лирике «каждая единица сюжета выражает ценностные представления субъекта. Сюжет строится как последовательность однородных прямо-оценочных суждений субъекта» [12. С. 185]. В том случае, когда в лирическом произведении наряду с основным субъектом речи появляется и другая субъектно-объектная инстанция (адресат), возникает ситуация ценностной множественности, в диалектическом единстве которой и определяется ценностная

---

¹ В заметке «К методологии гуманитарных наук» М.М. Бахтин отмечает: «Персонализация ни в коем случае не есть субъективизация. Предел здесь не я, но я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» [11. С. 370].

позиция автора. И именно такой тип субъектной структуры можно наблюдать в целом ряде стихотворных посланий Державина.

Так, например, речевая структура стихотворения «К Н.А. Львову» (1792) представляет собой довольно сложную последовательность смены точек зрения на основной предмет лирического переживания – смысл человеческой жизни. Стихотворение открывает прямая декларация этических приоритетов лирического субъекта, сторонника личной свободы, естественности и горацянской умеренности:

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят, от двора [7. Т. I. С. 511–512].

Далее следует обращение к адресату послания («О милый Львов»), где важную роль приобретает оппозиция природа – цивилизация, символизирующая две контрастные системы жизненных ценностей. Одну из них транслирует «сокрытый в деревне» и «лесу дремучем» Львов, другую – его идеологические оппоненты, кто «взмостясь, из терема глядит» [Там же. С. 514]. Важно то, что лирический субъект не просто указывает здесь на факт аксиологической несовместимости естественного и цивилизованного бытия, но и вербализует суть обеих альтернативных концепций, демонстрируя способность встать на позиции двух различных точек зрения. Глазами носителей социально-иерархического сознания он видит:

Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мечет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;

Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит [7. Т. I. С. 515].

Будучи единомышленником адресата, лирический субъект излагает его жизненную программу, в основе которой присущая го-рацианской оде проповедь умеренности и естественных жизненных радостей, осознаваемых как залог подлинного человеческого счастья:

... тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О Боге, дружбе и любви.

Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.

За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,
Ни меж озер и кущ приятных, –
Но всюду радость и восторг [7. Т. I. С. 515–516].

Однако вслед за этим появляется ещё одна автономная точка зрения, которая маркирована в тексте формой прямой речи. Эта точка зрения принадлежит «милой супруге» Львова, и она вводит в стихотворение новую тему – тему преобразующей силы искусства:

О! если бы, – она вещает, –
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, –
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей [Там же. С. 517].

Характерно то, что точка зрения этого женского персонажного образа соположима с точкой зрения её мужа, но не тождественна ей, что представлено диалогической формой общения супругов в финале стихотворения, где этические и эстетические акценты приходят в состояние диалектического единства. Иными словами, стихотворное послание «К Н.А. Львову» наглядно демонстрирует саму возможность сосуществования в пределах одного лирического

текста различных ценностных инстанций, опосредованных вариативными речевыми формами, что способствует драматизации лирического сюжета и создаёт предпосылки для субъектного многоголосия. Как известно, диалогический потенциал этого стихотворения оказался настолько очевидным и действенным, что его реальный адресат не смог проигнорировать этот выразительный поэтический призыв и откликнулся ответным посланием «Гавриле Романовичу ответ» («Домашний зодчий ваш...»).

Таким образом, следует констатировать, что диалогичность является важнейшим имманентным свойством авторского сознания Г.Р. Державина. Она предстаёт в его творчестве как особая художественная идеология и как конструктивный фактор его поэтики. Пытаясь постигнуть многоликую и противоречивую сущность человека, поэт отказывается от мысли о его статической природе и стремится запечатлеть человека в ракурсе его становления и самоопределения в общей структуре бытия, которое невозможно без установления подлинно диалогических контактов с различными элементами этого бытия. Такой подход к человеку как к носителю полноценного, автономного сознания предвосхитил последующие художественные открытия русской литературы XIX в.

Литература

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура). М. : РГГУ, 1997. 307 с.
2. Дмитриев Е.В. Фактор адресации в русской поэзии: От классицизма до футуризма. М. : Изд-во МНЭПУ, 2003. 286 с.
3. Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века. Мичуринск : Изд-во МГПИ, 2009. 318 с.
4. Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М. : Языки славянских культур, 2007. 656 с.
5. Бердникова Т.В. Диалог с Богом как особая разновидность поэтического диалога (на материале произведений Г.Р. Державина и К.Н. Батюшкова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27), ч. 2. С. 46–48.
6. Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб. : Наука, 1995. 350 с.
7. Державин Г.Р. Сочинения. С объяснительными прим. Я. Грота. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864–1883. Т. I–IX.

8. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. ; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М. : Республика, 1995. 464 с.

9. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М. : Русские словари, 2000. 800 с.

10. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. 824 с.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.

12. Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. 236 с.

Dialogical Intentions in Gavriil Derzhavin's Lyric Poetry

Text. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 19, pp. 37–47

DOI: 10.17223/23062061/19/3

Dmitry V. Larkovich, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: 2004liv@ngs.ru

Keywords: Russian lyric poetry, G.R. Derzhavin, author's consciousness, dialogism, personalism.

The article is a detailed substantiation of S.G. Bocharov's thesis of about the dialogical basis of the author's consciousness of Gavriil Derzhavin. It is noted that in the structure of Derzhavin's lyric subjectivity, the form of the second person, assuming the obligatory presence of the interlocutor, has an extremely high degree of frequency. On the material of the collection of lyric poems ("God", "Storm", "On the capture of Warsaw", "To N. A. Lvov", etc.), it is shown that Derzhavin's communicative situation, which involves the actualization of someone else's consciousness or the direct addressing of a lyric statement, has a meta-genre nature. The wide range of recipients of Derzhavin's literary discourse demonstrates the author's desire to give variability to the potentially monological world of the lyric character, and the heterogeneity of the status of these recipients gives the effect of stylistic diversity in the text and enhances its communicative suggestiveness. A number of Derzhavin's poetic works clearly demonstrate the possibility of coexistence of different values mediated by different speech forms within one lyric text, which contributes to the dramatization of the lyric plot and creates preconditions for subjective polyphony. The dialogical potential of Derzhavin's poetry reaches its climax in the genre of a friendly message. Examples of this genre, as a rule, are inherent in the elements of personalism in M. Bakhtin's sense, which implies the ability of the author of the statement to penetrate into the subjective sphere of another Self. When a lyric work, along with the main subject of speech, has another subject-object instance (addressee), value multiplicity occurs and its dialectical unity determines the value position of the author. And it is this type of the subjective structure that can be seen in a number of Derzhavin's poetic messages. As a result, it is concluded that dialogism is an important feature of the author's consciousness of Derzhavin. It appears as a special literary ideology in his works, and as a constructive factor in his

poetics. Trying to comprehend the multifaceted and contradictory nature of man, the poet seeks to capture it in the perspective of formation and self-determination, which is impossible without the establishment of truly dialogical contacts with various elements of life. This approach to man as a possessor of a full autonomous consciousness anticipated the artistic discoveries of the Russian literature of the 19th century.

References

1. Broytman, S.N. (1997) *Russkaya lirika XIX – nachala XX veka v svete istoricheskoy poetiki (Sub"ektno-obraznaya struktura)* [Russian lyrics of the 19th – early 20th centuries through the lens of historical poetics (the subject-shaped structure)]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
2. Dmitriev, E.V. (2003) *Faktor adresatsii v russkoy poezii: Ot klassitsizma do futurizma* [Addressing in Russian poetry: From classicism to futurism]. Moscow: MNEPU.
3. Fedoseeva, E.N. (2009) *Dialogicheskaya osnova russkoy liriki pervoy treti XIX veka* [Dialogueness of the Russian poetry of the first third of the 19th century]. Michurinsk: MSPU.
4. Bocharov, S.G. (2007) *Filologicheskie syuzhety* [Philological Plots]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Berdnikova, T.V. (2013) Dialogue with God as special kind of poetic dialogue (a case study of G.R. Derzhavin and K.N. Batyushkov). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 9-2(27). pp. 46–48. (In Russian).
6. Stennik, Yu.V. (1995) *Pushkin i russkaya literatura XVIII veka* [Pushkin and Russian literature of the 18th century]. St. Petersburg: Nauka.
7. Derzhavin, G.R. (1864–1883) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from German. Moscow: Respublika.
9. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
10. Levin, Yu.I. (1998) *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
12. Korman, B.O. (1992) *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works on the Theory and History of Literature]. Izhevsk: Udmurt State University.